

Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете. Штаб выступил из Крапивно, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и построеному на мужичьих костях Николаем Первым.

Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный ветер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря. Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля. Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд. Величавая луна лежит на волнах. Лошади по спину уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Кто-то тонет и звонко порочит богородицу. Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям.

Поздней ночью приезжаем мы в Новоград. Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит, укрывшись с головой и приткнувшись к стене. Я нахожу развороченные шкафы в

отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году – на пасху.

– Уберите, – говорю я женщине. – Как вы грязно живете, хозяева...

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они прыгают в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся. Они кладут на пол распоротую перину, и я ложусь к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем. Пугливая нищета смыкается над моим ложем.

Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном.

Я разминаю затекшие ноги, я лежу на распоротой перине и засыпаю. Начдив шесть снится мне. Он гонится на тяжелом жеребце за комбригом и всаживает ему две пули в глаза. Пули пробивают голову комбрига, и оба глаза его падают наземь. “Зачем ты поворотил бригаду?” – кричит раненому Савицкий, начдив шесть, – и тут я просыпаюсь, потому что беременная женщина шарит пальцами по моему лицу.

– Пане, – говорит она мне, – вы кричите со сна и вы бросаетесь. Я постелю вам в другом углу, потому что вы толкаете моего папашу...

Она поднимает с полу худые свои ноги и круглый живот и снимает одеяло с заснувшего человека. Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь. Глотка его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца.

– Пане, – говорит еврейка и встряхивает перину, – поляки резали его, и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было нужно, – он кончался в этой комнате и думал обо мне... И теперь я хочу знать, – сказала вдруг женщина с ужасной силой, – я хочу знать, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...

*** **

IL VÂT DAL ZBRUČ

Il comandant de division n. 6 al à riferî che la citât di Novograd-Volynsk e je stade cjapade vuê, sul cricâ de di. Il stât maiôr al è jessût di Krapivno e il nestri convoi, retrovardie scjassose, si è distirât pal rivâl che al va di Brest a Varsavie, fat sù di Nicole I sore i vues dai

vilans.

Cjamps di confenons scarlats a sflorissin dulintor di nô; il vint di misdì al matee cu la siale palombe, e la blave virgjinâl si jeve sul orizont, tant che il mûr di un munistîr lontan. La Volyn' cuiete si plee, e fuîs vie di nô, viers la fumate di avoli des boschetis di bedois; la Volyn' si strissine pes culinis floridis e cui braçs scunîts si cjace dentri tal foltum dal urtiçon. Un soreli narancin al rondole pal cîl tant che un cjâf cjoncjât, une lûs lamie si impie tes crituris dai nûi, e i standarts dal amont a svintulin parsore dai nestrîs cjâfs. L'odôr dal sanc di îr e dai cjavâi copâts al si disgote tal fresc de sere. Il Zbruč nereôs al scravace e al intortee i gorcs sbrumôs dai siei salts. I puints a son stâts sdrumâts, e nô o passin il vât dal flum. Une lune maestose e vongole su lis ondis. I cjavai a scomparissin te aghe fin avuâl de schene; riui sunsurôs a smucin vie trâ centenârs di sghirets ecuins. Cualchidun al si sprofonde e al blesteme a fuart la Madone. Il flum al è semenât di cuadrâts neris di cjaruços, al è colm di davoî, di sivîi e di cjançons, che a sdrondenin vie pai sarpints di lune e pai fossâi slusints.

O rivin a Novograd a dute gnot. O cjati une femine gravide tes stanziis che mi àn destinât, e doi ebreus cui cjavei ros e il cuel sutîl; il tierç al duar, cul cjâf taponât, tacât tor dal mûr. O cjati armârs ribaltâts te cjamare che mi àn destinât, sbrendui di pelicis di femine butâts par tiere, escrementis umans e fruçons de massarie preseose che si dopre tes cjasis ebreis une volte l'an, pe Pasche.

- Disbratait. - o dîs a la femine. - In ce cragne che o vivês, parone...

I doi ebreus si tirin sù di là che a jerin. A sgripiin su lis suelis di feltri e a cjolin sù i creps di par tiere, a sgripiin tal cidin, a simiot vie, come i gjaponês dal circ, e i lôr cuei a si sglonfin e a si stuarzin. A distirin par tiere un plumin discussît e jo mi poi tor dal mûr, dongje dal tierç ebreu indurmidît. La miserie, sforadie, si cuacje tal gno jet.

Al à copât dut, il cidinôr, e dome la lune, strenzint tra lis mans latisinis il cjâf taront, sflandorôs e indolent, e vagole sot dal barcon.

O disdullii lis gjambis indadiadis, mi pon sul plumin discussît e mi indurmidîs. Mi insumii cul comandant de division n. 6. Al scorson, montât suntun grant stalon, il comandant di brigade, e i plante dôs balis tal mieç dai voi. Lis balis a foropin il cjâf dal comandant, e i voi i

colin par tiere. “Parcè âstu fat zirucâ la brigade?” - i vose il comandant de division a Savickij, ferît; e a chel pont jo mi svei, parcè che la femine gravide mi smalfie cui dêts ator pe muse.

- Sar, - mi dîs, - o berlais e si remenais tal sium. Us fasarai il jet intun altri cjanton, parcè che o pocais il gno paiuti...

E tire sù di par tiere lis gjambis secjis e la panze taronde e e gjave vie la cuvierte dal om indurmidît. Un vieli, muart, al è pognet alì, in schene. Al à la gole slambrade, la muse crevade in doi, sanc turchin i pendole de barbe, tant che une sclese di plomp.

- Sar, - e dîs la ebree sdarnant il plumin - i polacs lu àn scjanât, e lui ju preave: ‘copaitmi daûr de cort, par no che mê fie e vebi di viodimi a murî...’ ma lôr a àn fat ce che i coventave: lui al à finît i siei dîs in cheste cjamare e al pensave a mi... E cumò o vuei savê, - e à dit dut a bot la femine cuntune fuarce tremende, - o vuei savê dulà, in dut chest marimont, che o cjatarês un pari compagn di gno pari...

conte dal 1920 dal scritôr rus **Isaak Emmanuilovič Babel’** (1894-1940)

cjolge di “*L’armata a cavallo*”

voltade par furlan di Pablo Gortan